

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. А. КЛИМОВ

К ЧТЕНИЮ ДВУХ ПАМЯТНИКОВ АГВАНСКОЙ (КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОЙ) ЭПИГРАФИКИ

Обнаружение азербайджанскими археологами первых памятников агванской (кавказско-албанской) письменности, восходящих к V—VIII вв. н. э., можно сказать без преувеличения, явилось одним из наиболее значительных открытий в изучении культуры древнего Азербайджана. Между тем, в настоящее время, т. е. более чем через двадцать лет после первых эпиграфических находок, состояние дешифровки этой письменности находится еще в своей начальной стадии. Ведущее исследование сильно затруднено фрагментарностью, а главное — очень ограниченным объемом самого корпуса материала, в общей совокупности не составляющего и двухсот знаков. Как и на аналогичном этапе в истории любой дешифровки, для современной агванистики характерна большая свобода рабочих чтений, ограниченная главным образом рамками полета фантазии исследователя. Это в известной мере и понятно, если учесть, в частности, что при легко определенном направлении письма слева направо до сих пор не установлен даже порядок чтения строк в нескольких памятниках¹. Задачей этой заметки является определение порядка чтения строк в двух агванских граффити, известных в специальной литературе как надписи на подсвечниках № 1 и № 2, а также частичная интерпретация последней.

Первым объектом рассмотрения является небольшая надпись на подсвечнике № 2, содержащая всего пятнадцать знаков, из которых девять записаны круговым способом (как показывает площадь сбитой поверхности подсвечника, первоначально здесь имелся еще один знак), а шесть — по три на разных гранях — вертикально².

Очевидной особенностью всей круговой последовательности знаков является то, что она состоит из девяти неповторяющихся графем. Ее другая специфическая черта заключается в том, что она включает начальные (точнее — входящие в первую десятку единиц) для всех трех закавказских алфавитов (армянского, грузинского и агванского) графемы: Q a, Б b, J e и Z z, фонетическое значение которых поддерживается рабочими чтениями других агванских текстов³. Наконец, имеется основание полагать, что рассматриваемая последовательность начинается знаком Q a, так как он выписан

значительно крупнее остальных. Уже этих фактов достаточно для предположения, что в данной надписи воспроизводится в порядке следования букв агванский алфавит.

Такое предположение подкрепляется дополнительными аргументами при сопоставлении круговой последовательности знаков этой надписи с первыми десятью буквами обоих списков агванского алфавита, сохранившихся в известных армянских рукописях учебного характера, восходящих к XV и XVI столетиям⁴. Это с достаточной очевидностью может быть продемонстрировано помещаемой ниже табл. 1, в первой строке которой приведены в принятой в специальной литературе «транслитерации» знаки круговой последовательности памятника (из существующих прорисей надписи наиболее адекватной фотографией самого памятника приходится признать

¹ Подробнее о состоянии проблемы см.: Г. А. Климов, К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности, ВЯ, 1967, 3.

² См. Р. М. Вандов, Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура, «Изв. АН Азерб. ССР». Серия обществ. наук, 4, 1958, стр. 112—113 (на азерб. яз.).

³ Ср.: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, Ереван, 1964, стр. 43, 60; Г. А. Климов, указ. соч., стр. 77—78.

⁴ См.: А. Г. Шанидзе, Новоткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки, «Изв. ИЯИМК [Груз. филиала АН СССР]», IV, 1, 1938, стр. 28—30; см. также: Н. K u r d i a n, The newly discovered alphabet of Caucasian Albanians, JRAS, April, 1956, стр. 82.

прорись, выполненную Р. М. Ваидовым), во второй — начальные буквы рукописных списков агванского алфавита, в третьей — фонетические значения букв, как они реконструируются в исследовании этих рукописных списков, предпринятом А. Г. Шанидзе и особенно — А. Г. Абрамяном (некоторое исключение составляет значение седьмой буквы) ⁵.

Таблица 1

ა	ბ	ც	....	ქ	ჯ	ღ	რ	ს	ლ
ა	ბ	ც	დ	ე	ვ	გ	დ	რ	ს
a	b	g	d	e	z	e	a	t	z

Типологическое сходство сравниваемых здесь величин (невозможно сравнение лишь для сбитого четвертого по порядку знака надписи), равно как и тождественная позиция каждого из знаков в своей последовательности, едва ли могут вызвать серьезные сомнения. Конечно, вряд ли возможно говорить и об идентичности единиц сравнения: так, например, в написаниях букв из рукописных списков алфавита отчетливо выступают черты курсивности, вообще характерные для жанра рукописей. Однако в последней для приводимого доказательства и нет необходимости, поскольку рукописные списки агванского алфавита, относящиеся от наиболее поздней эпохи употребления самой письменности (т. е. от VIII столетия) ⁶ на несколько столетий, оказались существенно деформированными в ходе неоднократной переписки средневековыми писцами ⁷, и именно они должны быть верифицированы на эпиграфическом материале.

Если предложенная здесь интерпретация надписи адекватна (мы не касаемся остальных шести знаков, записанных по вертикали и пока не поддающихся толкованию), то в ней мы имеем дело с аутентичным списком десяти первых букв агванского алфавита, который относится самое позднее к VIII в. и о находке которого при общей малочисленности известных к настоящему времени памятников агванского письма не приходилось и думать. Вероятно, подсвечник № 2, содержащий список начальных букв агванского алфавита, призван был играть роль своего рода учебного пособия. Этот список важен прежде всего как некоторая опора для дальнейшего прогресса дешифровки данной письменности. Так, поскольку предлагаемая интерпретация составляет рабочее чтение надписи, она дает возможность гипотетического соотношения еще нескольких агванских графем с определенными звукоטיפами: ც g, ლ e (ср. фан-

ригализованный e в удинском языке), რ a, ს t и ლ z. С другой стороны, этот список ценен и как дополнительное (на этот раз в отличие от всех других — непосредственное) подтверждение подлинности списков агванского алфавита, сохранившихся в двух упомянутых выше армянских рукописях. Думается поэтому, что сомнения, высказанные Л. М. Меликсет-беком в подлинности этих рукописных списков ⁸, должны быть окончательно оставлены.

Другое четырехгранное граффито содержит в сумме сорок девять знаков, из которых: на I (по условному определению Р. М. Ваидова, которому следует и А. Г. Шанидзе ⁹) грани налицо семнадцать, на II — десять, на III — семь и на IV — пятнадцать. Как свидетельствует прилагаемая ниже прорись надписи (см. фото), выпол-

⁵ Ср.: А. Г. Ш а н и д з е, Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов, «Материалы по истории Азербайджана», Баку, 1957 («Труды Музея истории Азербайджана», II), стр. 38—43; А. Г. А б р а м я н, указ. соч., стр. 27—29.

⁶ Так, например, армянский автор VIII в. Гевонд свидетельствует о том, что оригинальная письменность еще в это время была у агван в ходу, — см. «История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века» [перевод С. К. Патканова], СПб., 1862, стр. 44.

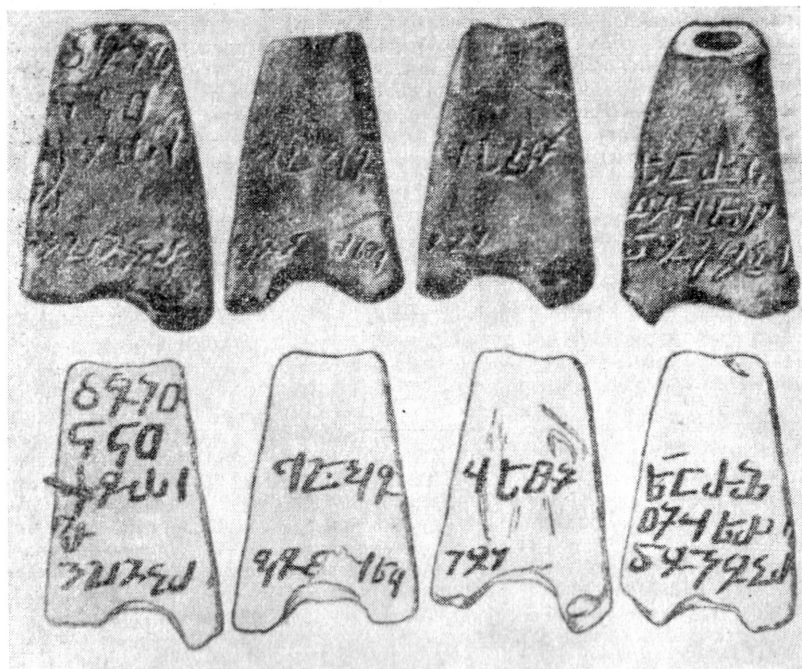
⁷ Это показано в работах: А. Г. Ш а н и д з е, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев, стр. 27—40; Г. В о р о ш и л, О древнеагванском алфавите и удинском языке, «Изв. АН Азерб. ССР», Серия обществ. наук, 1962, 1, стр. 79—90 (на азерб. яз.); А. Г. А б р а м я н, указ. соч., стр. 25—37.

⁸ См.: Л. М. М е л и к с е т - б е к, К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов, «Материалы по истории Азербайджана», стр. 61—62.

⁹ См.: Р. М. В а и д о в, Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью, «Доклады [АН Азерб. ССР], VII, 2, 1951, стр. 83; А. Г. Ш а н и д з е, Новые данные об алфавите кавказских албанцев (второй список албанского алфавита), «Труды 1-й конференции закавказских университетов», Баку, 1959, стр. 203.

ненная по фотографии памятника, из пяти потенциальных строк каждой грани текстом занята лишь часть из них.

Поскольку две первых строки (при общем направлении агванского письма слева направо и сверху вниз) заполнены только на I грани, напрашивается интуитивное предположение, что начало надписи находится именно на ней: это обстоятельство,

по-видимому, и привело к подобному условному решению Р. М. Ваидова, впервые опубликовавшего памятник. Однако в пользу такого предположения можно привести и некоторые аргументы формального порядка, используемые обычно в практике дешифровки.

Конец надписи без труда определим на пятой строке III грани ввиду незаполненной ее правой части. Ему, однако, не может предшествовать третья строка этой же грани, поскольку в этом случае необъясним был бы пропуск здесь всей четвертой строки. Напротив, имеются все основания считать, что заключительному фрагменту предшествовала пятая же строка соседней II грани. Дело в том, что, во-первых, при такой последовательности чтения возникает сочетание знаков 464727.

повторяющееся и в двух других надписях (ср. группу... 6472... черенка № 3, а так-

же группу 4647274 на каменном постаменте алтарного креста), а во-вторых, именно эта группа является заключительной во всяком случае и для надписи на постаменте (думается, что данная последовательность сыграет немаловажную роль в процессе дешифровки агванских текстов вообще). Принятие кругового принципа написания пятой строки приводит начало последней на IV грань, где за отсутствием выбора ей могли предшествовать только четвертая и далее — третья строки грани. Следуя единственно возможному в этом положении круговому принципу, мы приходим к I грани, единственной с заполненными первой и второй строками, что, по-видимому, подтверждает правильность всего остального хода рассуждения. В его пользу говорит еще один аргумент: четвертая строка I грани была начата знаком неясной конфигурации и далее уже не продолжалась, причиной чего могли быть либо описка, либо слияние с ним знака вышестоящей строки.

Таким образом, построчный по началу принцип написания был выдержан на I грани лишь до третьей строки, после чего он был заменен круговым.

Уже то обстоятельство, что в настоящее время порядок чтения одного и того же памятника агванской эпиграфики варьирует у разных авторов и что эти памятники

интерпретируются совершенно различным образом¹⁰, достаточно красноречиво свидетельствует о том начальном этапе, который сейчас переживает агванистика.

Несомненно, что над корпусом агванской эпиграфики предстоит проделать еще большую работу, прежде чем состояние его дешифровки можно будет признать удовлетворительным. Думается, что несмотря на принципиальную простоту задачи агванистики (буквенный характер письма, возможность применения этимологического метода дешифровки с ориентацией на материал удинского языка, наличие рукописных списков алфавита в армянской традиции и т. п.) без существенного увеличения объема самого текста сколько-нибудь заметный прогресс исследования будет едва ли возможным. В сложившейся ситуации, когда прирост эпиграфического материала временно прекратился (до сих пор не удалось обнаружить даже шестистрочную надпись, вывезенную петербургскими учеными еще в 1906 г. из древней столицы Агванни Кабалы¹¹), дальнейшие успехи будут зависеть исключительно от повышения строгости самой исследовательской методики.

---

¹⁰ Так, например, А. Г. Абрамяном, принимающим иной порядок чтения первой надписи и при транскрипции текста *eč gətü žaṛē abā ibi*, здесь, по его собственной же оценке, «удачно расшифровывается» фраза «Да будут отпущены грехи Гюта» (см.: А. Г. А б р а м я н, указ. соч., стр. 56—58, 69).

¹¹ Сведениями о последней автор обязан любезному сообщению В. Л. Гукасяна.